

За чужими
ОКНАМИ

*Ариадна
Борисова*

**Бел-горюч
камень**

роман

ЭКСМО
Москва
2015

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Б 82

Оформление серии *П. Петрова*

Иллюстрация на первой странице *П. Петрова*

Борисова, Ариадна.

Б 82 Бел-горюч камень : роман / Ариадна Борисова. — Москва : Эксмо, 2015. — 352 с. — (За чужими окнами. Проза М. Метлицкой и А. Борисовой).

ISBN 978-5-699-76657-4

У девочки, обладающей необычным именем – Изольда, и судьба, конечно, самая необыкновенная. Вскормленная якуткой, Иза вместе с молоком своей второй матери впитала любовь к этому суровому северному краю, столь не похожему на благословенную Балтику, откуда происходили ее предки. Сердце Изы стремится к радости, она умеет видеть красоту в самых обычных вещах, и неудивительно, что мир отвечает ей взаимностью. Первая любовь к огненноволосому цыгану дарит Изольде настоящее счастье. Не всем нравится ее яркое горение, а значит, Изу ждут тяжелые испытания. И семейная реликвия «бел-горюч камень» еще не раз окажется омыта слезами...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-76657-4

© Борисова А., 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

*Посвящается семи народам,
кровь которых течет во мне.*

Часть первая

Огокко¹

~ Глава 1 ~

В ТРЕТЬЕЙ ССЫЛКЕ

Мария была русская, Хаим — еврей, оба родом из Клайпеды, откуда русских повымело за несколько месяцев до Первой мировой войны, а евреев — за два года до Второй². 14 июня 1941 года по решению советского правительства чету Готлибов в числе десятков тысяч представителей буржуазии и интеллигенции без суда и следствия вывезли из Литвы в Алтайский край. Официальным поводом насильственного перемещения послужила политическая неблагонадежность ссыльнопоселенцев. Спустя год их перебросили в Заполярье, на острова Великого Ледовитого океана, поднимать подточенную войной рыбную промышленность страны.

Через несколько лет рыболовецкий участок № 7, названный по фамилии заведующего Мысом Тугарина, был ликвидирован. Небольшую группу бывших рыбаков, куда вошли Мария и Хаим, определили на кирпичный завод в поселке близ Якутска, остальных отправили в шахтерские места добывать каменный уголь. Иного вида деятельности для социально чуждого контингента, кроме ТФТ³, советская власть не предусматривала.

Районный поселок широко растянулся вдоль берега Лены. Заводской околоток находился глубже, в южной стороне рядом с деревней. Дальше простирались колхозные поля и тем-

¹ Огокко́ — дитя (*якут.*).

² Начало истории читайте в романе А. Борисовой «Змеев столб».

³ ТФТ — Тяжелый Физический Труд. Рекомендация ТФТ стояла на справке спецпоселенца.

нели поросшие хвойным лесом горы. Прибывшие встали на учет в здешней спецкомендатуре НКВД, где им сообщили, что они теперь имеют право голосовать за кандидатов в депутаты районного Совета трудящихся и Верховного Совета СССР. Командант дежурно зачитал правила ежемесячной регистрации и предупредил о запрете выезда за пределы поселка на пять километров без письменного разрешения. Самовольная отлучка каралась штрафом или недельным арестом, что узникам, подверженным режимным ограничениям не первый год, было хорошо известно.

С трансформацией ТФТ изменилось и привычное бытие. Со всем недавно переселенцы ютились в многолюдных, промерзших насквозь земляных юртах с ледовыми окошками и железными камельками, а тут заводское начальство выделило каждой семье по комнате с настоящей печью и застекленным окном. Снаружи бревенчатый барак, в котором досталось жилье Марии и Хаиму, был утеплен завалинками, засыпанными землей и шлаком, входная дверь вела в длинный коммунальный коридор. Предыдущие жильцы содержали комнату в чистоте. Выпросив на пилораме досочные обрезки, Хаим сколотил тахту, стол и табуретки, Мария повесила на окно вышитые крестом занавески из белой американской мешковины. Любуясь новообретенным гнездышком, Готлибы наконец-то поверили, что полярная ночь, штормовые ветра и неотвязный запах рыбных кишочек отступили в прошлое.

Некоторое время зарплату выдавали продовольственной нормой: по два килограмма крупы, по полкилограмма масла и сахара на человека в месяц и ежедневный хлеб. Роскошь по сравнению с пайком на морском побережье, где в первые годы умерли от голода больше трети «врагов народа», преимущественно стариков и детей.

Осень выдалась долгой. Все свободные часы умудренные полярным опытом люди собирали в окрестных лесах брусни-

ку и, по совету заводчан, чагу. Эту березовую губку, объяснили Марии, крошат и заваривают из нее чай. С добавлением сушеных ягод шиповника напиток очень вкусен и полезен для желудка.

За помощь в сборе картофельного урожая агроном колхоза распорядился доставить Готлибам на подводе два куля овощей. Хаим подобрал на поле кучу брошенной свекольной ботвы и, пересыпав брусникой, проквасил не успевшие повянуть листья в брезентовом мешке. Получилось неплохо. Как могли, подготовились к зиме.

Завод работал в три смены со скользящим выходным. Мария доставляла из сушильных камер кирпич-сырец к печам в рельсовой вагонетке и возила к пункту приема штабеля готовой продукции. Хаим стоял на обжиге: на море приходилось вытаскивать рыбу из жгучей, как кипяток, ледяной воды, теперь он вынимал из печей раскаленные кирпичи. Двухслойные брезентовые рукавицы, сколько их ни латай, быстро обгорали и рвались. Скоро к оставшимся от обморожения рубцам прибавились шрамы ожогов — муфельный жар выкручивал исковерканные стужей кисти рук, пузырил и обдирал кожу с пальцев.

Когда отдел спецпоселений разрешил выплачивать перемещенным лицам зарплату, выяснилось, что десять процентов заработка поверх подоходного налога с них удерживаются по-прежнему, но само жалование почти в четверть больше. Появилась возможность покупать в колхозе картофель, молоко у частных, рыбу и дичь — рябчиков и глухарей, в изобилии водившихся в близкой тайге.

Местные жители не видели в ссыльных врагов и относились к ним так же, как к другим рабочим. Жизнь вроде бы повернула к лучшему... Раненные тоской о первенце, потерянном в Каунасе по воле злосчастного случая, Готлибы снова решились на ребенка.

В малокровном теле Марии беременность протекала болезненно, но плод сумел зацепиться и держался крепко — отцовское упрямство уравновешивало терпение матери. За три дня до родов Хаим предложил назвать сына — если будет сын — Зигфридом, а если дочь — Изольдой.

— Изольда? — не поверила своим ушам Мария. Мужское имя она пропустила: опытная фельдшер-акушер уверенно предсказала ей пол ребенка. — Изо льда! Ты понимаешь, что говоришь?! Мы сами кое-как вырвались изо льда!

— Мы выжили, — тихо возразил муж.

С юности влюбленный в музыку Вагнера, он не разделял народной неприязни, отметавшей все немецкое, будь то Вагнер, Дюрер или Гете. Острое чувство прекрасного превосходило в Хаиме национальную осторожность, которую евреи впитывают с молоком матери. А может, в его жилах текла какая-то новая, огнеупорная кровь, более стойкая, чем у остальных детей Израила. Он легче других сносил напасти и в непредвиденных обстоятельствах мгновенно переходил от растерянности к действию. Вопреки экспериментам пересеченной бедствиями судьбы, в нем не угасал огонь неиссякаемого жизнелюбия. Хаим сохранял душевное равновесие в пыточном холоде, не отчаивался, если тело грыз голод, и, вопреки всему, радовался счастью быть рядом с любимой женщиной. На самом деле, думала Мария, муж оставался таким, каким человек был создан изначально, — с любовью к жене, семье и миру, и сторонился людей потому, что они изменились с тех пор, как ушли от Бога.

— У имени «Изольда» синие глаза...

— Твоя привычка все поэтизировать иногда неуместна... и просто невыносима! — простонала Мария. — Ты забыл, что исландская принцесса была несчастной? Что станет с девочкой? Отчество с фамилией как скроешь?

Хаим настаивал чуть хрипловатым голосом:

— Она будет счастливой.

Хрипотца, словно он молниеносно простыл, возникла у мужа от волнения, но, когда он пел, его голос не звучал хрипло. У Хаима был чудесный оперный баритон.

— Почему не Анна, не Ирина? Не Софья — по имени моей мамы...

Он с улыбкой обнял жену:

— Я представляю нашу дочь солнечной, как ты.

— Разве ты не видишь — я седею!

— Все равно рыжая, — засмеялся Хаим. — Моя королева.

— Ты хочешь, чтобы девочка походила на королеву Кристину из фильма... на Грету Гарбо, как я когда-то, и переживала из-за этого, как я?!

— Ты не Гарбо, ты — Мария, и другой такой нет на свете...

Впервые ее томила и угнетала спокойная уверенность мужа, упорно не желающего выходить за пределы выстроенного им мирка. Хаим вел себя так, будто зло на земле развеялось не стоящим памяти прахом и всеильное счастье ожидает их будущего ребенка. Только теперь Мария искренне посочувствовала матери Хаима: в свое время Геневдел Рахиль Готлиб тщетно пыталась вести борьбу с возмутительным романтизмом сына.

— Никаких Изольд! Ни за что!

Он промолчал.

Мария не разговаривала с мужем почти до поступления в больницу. За годы их брака это была единственная серьезная размолвка.

~ Глава 2 ~

ВЕЩИЙ СОН

В маленькое родовое отделение стационара Мария попала одновременно с якуткой Майыыс Васильевой, жительницей прилегающей к поселку деревни. Санитарка выдала им одина-

ковые байковые халаты. Женщины переоделись, посмотрели друг на друга и оторопели.

Мария едва не рассмеялась: Майыыс можно было назвать Гретой Гарбо в азиатском исполнении, точно небесному ваятелю позировала одна и та же сменившая грим натурщица. Одного роста и сложения, примерно одного возраста, с неправдоподобно родственными чертами лиц, они вызвали изумление и у акушерки:

— Ну надо же! Прямо как родные сестры!

Больничную тишину не взорвали свирепые крики рожениц. У изнуренной схватками Марии не доставало сил, а Майыыс не кричала из-за присущей женщинам ее народа выносливости. Зато дети оказались горластыми. Первым подал басовитый голос якутский мальчик. Спустя полминуты девочка, покинув надсаженное недужными почками материнское лоно, заплакала сердито и на удивление громко для ребенка весом в два кило триста, словно спешила завоевать право кормежки из богатой молоком груди Майыыс. Мария выдавила из своих сосков лишь несколько капель молозива.

Вручая мамочкам наборы в бумажных пакетах с изображением ликующего младенца — по восемь метров яично-желтой фланели, марлевые салфетки и коробочки с тальком для предупреждения детской потницы, — медсестра торжественно провозгласила:

— Подарок товарища Сталина!

Лицо Майыыс благоговейно вспыхнуло. Она о чем-то спросила, и по тому, как развеселились окружающие, Мария поняла, что простодушную якутку заинтересовало, откуда Сталин узнал о рождении их детей.

— Всем такие дают. Товарищ Сталин считает своим долгом помочь каждой советской женщине, — снисходительно пояснила медсестра на якутском, затем перевела для Марии.

К вечеру за окном под чьими-то нетерпеливыми шагами закрипел ранний снег. Возбужденно переговариваясь, у окрашенного белой краской окна палаты топтались двое мужчин.

— Стапан, — обрадовалась Майыыс и ткнула в себя пальцем, поясняя, что один из них — ее муж.

Второй начал насвистывать песню оруженосца Курвенала «Так вот, скажи Изольде ты...» из вагнеровской оперы.

Мария чуть приоткрыла форточку, и вместе со студеным дыханием осени в палату влетел газетный самолетик. С краю крылышка карандашные каракули Хаима оповещали от имени обоих отцов: «Завтра мы придем за вами. Спасибо, любимые!»

Отделение, пустовавшее в годы войны, теперь было переполнено, и долго рожениц в больничке не держали.

Майыыс уловила знакомое русское слово «спасибо». Ей не терпелось похвастать подарком вождя. Сияя, она высунула в оконную створку уголок государственной фланели и закричала громким шепотом:

— Стапан, эгей! Пасиба табарыс Сталин!

— О-о, Сталин! — донеслось снаружи, а следом возмущенный женский вопль:

— Подглядывать приперлись, извращенцы проклятые?! Ну-ка, марш отсюда! — это мужчин прогнала вышедшая вылить помои санитарка.

Ночью Марии приснился немецкий город Любек — не тот, куда она ездила с Хаимом незадолго до военных событий, а утонувшая в веках свободная столица союза Ганзы. Повторялся сон, привидевшийся однажды на рыболовном мысе. С обмирающим от дурного предчувствия сердцем Мария настороженно ступала по извилистым улочкам с темными зевами арок, разверстыми в колодезные дворы. Шла мимо окутанной хмельным паром пивоварни, мимо госпиталя с греющимися на солнечном крыльце калеками и старцами в полосатых казенных хламидах, мимо сказочной кирхи, за чей острый шпиль заце-

пился кружевной облачный подол... Шла в смятенном неведении до тех пор, пока шквал ветра, пропитанный марципановым ароматом знаменитой кондитерской Нидереггеров, не донес до слуха отдаленный рев и вопль толпы: «На Каак его! На Каак!»

Понимая во сне, что это сон, возвращенное памятью недоброе знамение, Мария хотела повернуть обратно, но тесные здания не пускали, все улочки кончались тупиками. По единственной дороге, распахнутой с глумливым гостеприимством, она в отчаянии побежала навстречу гвалту, похожему теперь на крики вороньей стаи, — к Рыночной площади, пестрым торговым рядам, к Кааку перед магистратом — меднолобой беседке с позорным столбом наверху.

«Ка-ак! Ка-ак!» — в жестокой радости скандировала толпа.

Сердце лопалось от горя, от невозможности отвести поджидающий впереди ужас, ветер шибал в лицо порывами приторного благоухания орехов и сахарной пудры, оглушительно свистел в ушах... Или то свистели и улюлюкали, выбивая преступнику глаза камнями, веселые горожане?..

Свист и карканье неслись отовсюду. Мария и сама закричала, не слыша себя в страшной какофонии звуков, в черном смерче, рухнувшем с неба. Визжащий вихрь подхватил, затянул куда-то ввысь, завертел над Кааком, не давая углядеть прикованного к столбу человека, пронес через входы ветра — сквозные окна в кровельной надстройке ратуши — и вышвырнул на твердь льдистого берега.

Стоя в клочьях тумана на коленях у края кипящей пропасти, Мария увидела, как проваливается в дымную воронку город-остров. Каленные огнем и солнцем, кирпичные ладони древнего Любека сдвигались в произвольном молитвенном жесте. Осыпалась брусчатая мостовая, зеленые берега каналов приближались друг к другу, мосты и арки надевались на шпили соборов с легкостью петель, нанизываемых на вязальные спицы... Медленно, медленно уходили в дремучую темь груды

обломков красноглиняной кладки и многолюдный ганзейский порт, всасывая за собой бухту с флотилией груженных товарами заморских кораблей.

Не было сил отвлечь взгляд от выгнувшейся крутым луком площади, где все еще слабо маячил тупой деревянный срежень Каака, устремленный в вечность. Толпа захлебнулась потоками воды и щебня, не успев насладиться ни дозволенным прилюдным убийством, ни зрелищем человеческих страданий. Поднятое к небу невредимое лицо белело из глубины пятном прощального света, и орган церкви Святого Якоба вторил колокольному реквиему Мариенкирхе, сотрясая воздух над морем тяжкими брызгами финального аккорда...

Мария вдруг поняла, что мужчина приговорен к бессрочному наказанию за гордыню любви... и горячие пальцы горя окунулись во вновь открывшуюся рану под свежим рубцом. Душа Марии плакала, проклиная непрошениый, данный ей от природы дар предвидения, которым она предугадывала, но не могла предотвратить беду.

...К обеду следующего дня, когда женщин с детьми готовили к выписке, за ними явился один Степан. В ночную смену на Хаима обрушился штабель готовой, только что обожженной продукции. Прежде чем он успел ощутить ожог и боль, проломленное кирпичами ребро мягко, как нож в масло, вошло в очастливленное рождением дочери сердце.

~ Глава 3 ~

РАЗБИТОЕ РАВНОВЕСИЕ

Под керосиновой лампой кругло серебрились изящный игрушечный столик и два «венских» стульчика, искусно вырезанные из гибкого баночного железа. Кромки гнутых спинок и ножек были свернуты ювелирным кантом, чтобы острая жесьть